

Екатерина Юрьевна Антонюк,
доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации
Поволжского института управления имени П. А. Столыпина
- филиала РАНХ и ГС
8 906 152 17 72
eyu_antonyuk@mail.ru

Сергей Игоревич Трунев,
доктор философских наук,
профессор кафедры философии
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина ЮА.
8 987 388 18 30
si_trounev@mail.ru

**Россия и Запад: диалектика взаимодействия культур и противостояния
мифологий**

Аннотация:

Авторы исходят из положения, согласно которому постиндустриальное общество разделено на элиту и массу (З. Бауман, П. Вирилио). Элита экстерриториальна и мобильна; массы территориально ограничены и их перемещения – это либо туризм, либо трудовая миграция. В культурном отношении элиты склонны более взаимодействовать между собой, чем со своими народами. Массы, с одной стороны, используют в жизни объекты «других» культур, но, с другой, противостоят друг другу на уровне мифологий. Жизнь массового человека является диалектическим синтезом данного противоречия.

Ключевые слова: элита, масса, мифология, бинарные оппозиции, диалектика, синтез

Russia and the West: Dialectics of Cultures Interaction and Opposition of Mythologies

Summary:

Authors of this article state that any postindustrial society is divided into an elite and a mass (S. Bauman, P. Virilio). The elite is exterritorial and mobile, masses are limited territorially and their movements are either tourism or just the labor migration. Culturally the elites are able to interact among themselves more often than they do it with the other people. As for masses, they use different objects of "another" cultures in their lives on the one hand but resist each other at the level of mythologies on the other. A mass person's life is dialectic synthesis of this contradiction.

Keywords: elite, mass, mythology, binary oppositions, dialectics, synthesis

Рассуждая о «взаимодействии культур», исследователи зачастую забывают о том, что само по себе данное выражение подразумевает под собой взаимодействие некоторых надличностных инстанций. Получается, что культуры взаимодействуют как бы сами собой. Однако очевидно, что, поскольку носителем культуры является субъект, принадлежащий к определенной социальной группе, не следует рассматривать взаимодействие в отрыве от субъекта. Следует вспомнить исходные предпосылки исследования, выработанные еще К. Марксом и Ф. Энгельсом: «Предпосылки, с которых мы начинаем, – не произвольны, они – не догматы; это – действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как находимые ими уже готовыми, так и созданные их собственной деятельностью» [5, С. 10]. Таким образом, уже в самом начале исследования необходимо рассмотреть основные характеристики постиндустриального общества и, прежде всего, его социальную структуру.

Повествуя о последней, З. Бауман и П. Вирилио разделяют в современном мире две большие социальные общности: элиту и массу. Элита – представители капитала, экстерриториальные по отношению к территориально ограниченному государству, обладающие повышенной мобильностью, т.е. способностью к свободному перемещению по земному шару: «Элиты передвигаются в пространстве и делают это быстрее, чем когда либо прежде, но быстрота действий и плотность сетей власти, которые они ткут, не зависят от их передвижения. Обретя «бестелесность», главным образом в ее финансовой форме, власть предрержащие становятся действительно экстерриториальными, даже если телом они остаются «на месте» [1, С. 95]. Транснациональные элиты взаимодействуют между собой как в экономическом, политическом, так и в культурном отношении. Преследуя чисто коммерческие цели, элиты никого не могут окончательно назвать «врагом» и предпочитают ситуативные (т.е. соответствующие политической ситуации) словесные выпады и/или извинения. Что касается культурного взаимодействия, то оно фактически сводится к организации и совместному посещению одних и тех же культурных мероприятий (фестивалей, благотворительных мероприятий, аукционов и т.п.). В этой связи отметим, что в культурном отношении элиты значительно ближе друг к другу, нежели к своим «народам», т.е. к массе.

Масса – это народ, вынужденных в силу ряда причин проживать на строго очерченной территории, в пределах определенного государства. Перемещения массы ограничиваются

более или менее систематическими туристическими поездками либо трудовой миграцией. В культурном отношении массы более самобытны, поскольку значимыми компонентами их сознания являются традиции, обычаи, традиционные верования и т.п. По словам П. Вирилио: «Таким образом, складывается картина, один из компонентов которой составляет доминирующая глобальная элита, существующая в пространстве потоков и состоящая, как правило, из индивидуумов, обладающих менее яркой самобытностью («граждане мира»); но на этой картине одновременно присутствуют и люди, сопротивляющиеся лишению своих привилегий в экономической, культурной и политической областях и тяготеющие к самобытности сообщества»[3, С. 299].

Если культурное взаимодействие элит осуществляется на общем культурном поле, то массы взаимодействуют между собой в двух пересекающихся плоскостях. Первое поле формируется образцами массовой культуры, которые, как правило, одинаково оцениваются представителями различных локальных масс. Согласно Ж.-Ф. Лиотару, основу массовой культуры составляет эклектизм: «Эклектизм есть нулевая ступень всеобщей культуры наших дней: мы слушаем reggae, смотрим western, обедаем у Макдональда, а вечером пользуемся услугами местной кухни; в Токио душатся по-парижски, в Гонконге одеваются в стиле ретро; знание есть то, о чем задаются вопросы в телевизионных играх. Эклектическим творениям легко найти себе публику. Обращаясь в китч, искусство подлаживается под тот беспорядок, который царит во «вкусе» любителя»[4]. Не трудно заметить, что в пределах данного поля если самобытность и существует, то она представляет собой скорее симулякр традиционной культуры, оторванный от ее глубинных (прежде всего, мировоззренческих) основ и представленный в «удобоваримой» для всех форме. Это означает, что культурное взаимодействие, конечно, происходит, но оно не способно изменить базисные структуры массового сознания.

Вторым полем взаимодействия оказывается пространство мифологии, т.е. стереотипных представлений о собственной культуре, а также о других культурах и их носителях. Наиболее важными для нашего исследования являются такие характеристики современных мифологий, как их наукообразность, откровенная политизированность и то, что в основном их продуцируют средства массовой информации, включая интернет. Наукообразность современных мифологий является следствием непрерывного возрастания общественного авторитета науки, об опасности чего писал в свое время еще П. Фейерабенд: «Теоретический авторитет науки гораздо меньше, чем предполагают. С другой стороны, ее социальный авторитет в настоящее время стал настолько подавляющим, что необходимо политическое вмешательство для того, чтобы восстановить гармоническое развитие» [7, С. 365]. Превращению науки в мифологию в немалой степени способствует и сам характер

современной науки. Тезис о том, что нам не нужны теории с высокой степенью вероятности, но невероятные теории (К. Поппер), своими словами высказал и Г. Башляр: «Мы увидим, с какой широтой обобщений современная мысль осваивает специальные знания; мы продемонстрируем некий род полемического обобщения, присущего разуму по мере того, как он переходит от вопросов типа «почему» к вопросам типа «а почему нет?»»[2, С. 32]. По нашему мнению именно направленность современной науки на вопросы «а почему нет?» позволяет продуцировать не только невероятные теории, но также и целый ряд мифологий: от различного вида «теорий заговора» до столь же различных вариантов взаимодействия землян с космическим или потусторонним мирами. Подкрепленные научными «фактами», современные мифологии легко внедряются в обыденное сознание, задающееся только одним вопросом: на чьей стороне будут инопланетяне в случае начала Третьей Мировой войны?

Если в XIX и XX веках основным инструментом создания мифологий была философия, то в XXI веке эту роль взяли на себя средства массовой информации. В данном аспекте их задачей становится уже не передача информации как таковой, но формирование политической и социокультурной идентичности через производство в сознании массового потребителя образа «себя» и образа «другого». Здесь-то и возникает противостояние мифологий, поскольку если «мы» (несмотря на недостатки) всегда «хорошие», то «другие» (не взирая на достоинства) всегда «плохие».

Массовый человек не имеет ни времени, ни соответствующих теоретических инструментов для того, чтобы вскрыть мифологический характер того или иного сообщения. Например, когда ему внушается миф о том, что Россия – это страна с высоким уровнем «религиозности», «духовности» и «нравственности», в его сознании не всплывут ни произведения Ивана Баркова, ни собранные Александром Афанасьевым «заветные сказки» (кстати, народные). Более того, поскольку обыденное сознание по определению гармонично объединяет в себе противоречащие друг другу элементы, оно не усматривает особого противоречия между любовью к западному фастфуду и/или автомобилям и неприязнью западного образа жизни, который, собственно, и привел к появлению соответствующих фастфуда и автомобилей.

Представляется, что, не смотря на отмеченную выше самобытность, массы любого локального государства сходны в одном: они довольствуются мифологической картиной мира, не подвергая ее критическому осмыслению. В этой связи приведем короткий текст, отражающий стереотипы западных представлений о «нас» (созданные «нами»):

«- Дорогая, я дома!

- Почему так поздно?

- По дороге медведь ногу вывихнул - пришлось водкой отпаивать.

- Садитесь все! Давайте выпьем водки.
- Мам, я пойду поиграю с медведем.
- Хорошо, только сначала выпей водки.
- А где наш дедушка?
- Он вторую неделю стоит в очереди за талонами на талоны.
- Хорошо, что он перед этим выпил водки. И ты без дела не сиди - иди тоже выпей водки.
- Ладно, иди, погуляй, сынок, и не забудь написать вечером отчет в КГБ! А по пути домой не забудь купить водки - она заканчивается.
- Дорогая, что-то жарко. Выключи, пожалуйста, атомный реактор.
- Сейчас водку допью и выключу, а ты пока сыграй на балалайке»[6].

Постепенно на основе подобного рода локальных мифологий формируются относительно целостные симулякры «российскости» и «западности», находящиеся в состоянии открытого противостояния друг с другом. Как и архаические мифологические нарративы, они включают в себя ряды бинарных оппозиций, продуктивный синтез которых исключается с самого начала. Вот лишь некоторые, наиболее популярные в настоящее время, ряды: «Российскость» - это духовность, державность, нравственность, православие, традиция, традиционная семья, коллективизм, традиционная культура; «западность» - это рационализм, либеральное государство, безнравственность, сектантство, стремлению ко всему новому, однополые браки, индивидуализм, массовая культура. Список можно было бы продолжить, однако для данного исследования более важно то, что само наличие строгих бинарных оппозиций не предполагает замены одного «звена цепи» на другое. По крайней мере, в массовом сознании.

В этом, собственно, и состоит диалектика: массовое сознание охотно воспринимает, а российский массовый человек с удовольствием использует объекты материальной и духовной культуры, созданные в рамках западного общества. Некоторые объекты отечественной культуры (водка, автомат Калашникова и т.п.) также становятся весьма популярными на Западе. Это взаимопроникновение культур парадоксальным образом сочетается с обоюдным и совершенно откровенным неприятием на мифологическом уровне. А синтезом является наша повседневная жизнь, объединяющая данное противоречие в едином однонаправленном потоке.

Литература:

1. Бауман, З. Власть без места, место без власти / З. Бауман // Социологический журнал. – 1988. - № 3/4. - С. 86-100.

2. Башляр Г. Новый рационализм / Г. Башляр. – М.: Прогресс, 1987. – 376 с.
3. Кастельс М. Могущество самобытности / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. - М., 1999. - С. 292-308.
4. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? /Ж.-Ф. Лиотар/ [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://bibliofond.ru/detail.aspx?id=78188>
5. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. - М., 1934. – 619 с.
6. Русская семья в представлении американской [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.yaplakal.com
7. Фейераденд П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейераденд. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.